

Е. А. Гончарова

**О СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ КАТЕГОРИИ «АВТОР»
КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Рассмотрены особенности речевой деятельности автора прозаического художественного текста в нарративном дискурсе на основании подхода к интерпретируемой категории в логике синергетики. В этом ракурсе показаны наиболее характерные закономерности актуализации в языковой структуре текста процессов синергетического взаимодействия «первичной» (автор – читатель – интерпретатор-критик) и «вторичной» (повествователь – персонаж) антропоцентрических функционально-смысловых систем нарратива.

The article dwells on the particularities of the author's speech activity in a fictional text as a part the narrative discourse, the interpretative category of author being discussed in the logics of synergetics. In this synergetic mode, the most characteristic manifestations of the actualization in the text structure of synergetic interaction between two anthropocentric functional-semantic narrative systems – the "primary" (author – reader – interpreter-critic) and the "secondary" (narrator – character) are described.

Ключевые слова: текст, дискурс, синергизм, автор, читатель, нарратор, персонаж, текстовые компоненты, актуализация, взаимодействие.

Key words: text, discourse, synergism, author, reader, narrator, character, textual components, actualization.

Интерпретационный смысл категории «автор» для исследователя-лингвиста обусловлен прежде всего тем, что автор является концептуальным носителем сущностного признака текста и языка в целом – антропоцентризма, перерастающего в художественном тексте, для которого человек становится и центральным объектом поэтического познания и изображения, в «абсолютный антропоцентризм». Последний можно представить в виде так называемого «антропоцентрического треугольника», схематически показывающего субъектно-объектные когнитивные и прагматические отношения между участниками литературной коммуникации (автор – читатель), с одной стороны, и между ними и вымышленными субъектами изображаемого художественного мира (повествователь, персонаж) – с другой.

В основании антропоцентрического треугольника находятся два познающих субъекта, онтологически принадлежащие к объективному миру и превращающие текст как материальную (языковую) реальность в (поэтическое) произведение, – автор и читатель. То, что понятия «текст» и «произведение», и в частности «художественный текст» и «художественное произведение», не тождественны, отмечалось и отмечается многими исследователями [2; 3; 8; 13 и др.]. Квинтэссенция асиммет-

рии этих двух понятий, если обобщить существующие здесь мнения, состоит в том, что, объективно существуя в виде текста, произведение имеет «сверхтекстовый» характер. Как писал М.М. Бахтин, «текст печатный, написанный или устный = записанный — не равняется всему произведению в его целом (или "эстетическому объекту"). В произведение входит и необходимый внетекстовый контекст его» [3, с. 390]. А по образному выражению Р. Барта, произведение — это «шлейф воображаемого, тянущийся за текстом», и текст не может «неподвижно застыть», а «по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться — например, *сквозь произведение, сквозь ряд произведений*» [2, с. 415].

Продолжая эту мысль, можно сказать, что природа произведения как подвижной совокупности сложных познавательно-художественных актов индивидуального и межличностного взаимодействия автора и читателя с текстом обусловлена его *процессуальной открытостью*. Прагматические и содержательно-смысловые границы, а также формы существования произведения стохастичны и зависят от способности интерпретатора привлечь к анализу материализованного в форме текста произведения как можно больше аспектов подобного межсубъектного взаимодействия.

Точка зрения на произведение как продолжение текста, как только тот соприкасается с читателем и/или интерпретатором, чрезвычайно близка современным идеям о взаимоотношениях между *текстом* и *дискурсом*. В них, как правило, «не отвергается центральная коммуникативная роль текста, просто текст переносится на более высокую ступень познавательной спирали, на которой только и можно установить его настоящий когнитивный и коммуникативный потенциал» [1, с. 25]. А это означает, что как научный объект литературный текст и все релевантные для него смысловые категории, включая и категорию «автор», и для лингвистики все более становятся лишь частью, или одной из позиций, в «транстекстуальных» по своей сущности, но осуществляющихся в форме текстов процессах познания и общения людей. Когнитивная и коммуникативно-прагматическая значимость текста в совокупности составляющих его категорий определяются не в последнюю очередь именно этой его позицией, формами дискурсивного взаимодействия с подобными и противоположными ему речевыми произведениями.

Названное взаимодействие, «отягощенное» характеристиками реального времени и коммуникативных обстоятельств, в которых находятся в качестве «языковых личностей» автор текста и его читатель(и), превращают текст в когнитивно, психологически, социально, культурно значимое «дискурсивное событие». Иначе говоря, текст получает дискурсивные черты когнитивного события, поскольку в его содержании отражается определенная «авторская концепция действительности», или система «концептуально-смысловых установок» автора, в основе которых лежат индивидуальные, исторические, общественные и другие знания создателя текста. Одновременно с этим в дискурсивной проекции текст является коммуникативным событием, «погруженным в жизнь» (по Н.Д. Арутюновой) и автора, и читателя, и общества в це-

лом. Как пишет немецкий ученый Й. Варнке, текст и дискурс связаны взаимозависимым отношением идентичных тексту языковых единиц и над-, или сверхтекстовых, форм, что исследователь называет «выходящим за рамки текста растяжением, удлинением» («textübergreifende Extension») [14, S. 1–17].

Из этого, в свою очередь, вытекает вывод о том, что в основе интерпретации *художественного текста как произведения, или дискурса*, должно лежать представление о нем как о *системе*, существующей в некоей *среде*. Взгляд же на текст как *систему* предполагает рассмотрение как его *структуры* в целом, так и составляющих эту структуру элементов в их «диалогических» отношениях с «внешними структурами» [8, с. 62–73], тоже связанными с некоей «средой», то есть с определенной совокупностью условий (временных, пространственных, социальных, этнокультурных, персональных).

К «внешним» по отношению к тексту, но «внутренним» по отношению к художественному произведению, или литературному дискурсу, «структурам» принадлежат автор и читатель как антропоцентрические центры текста. При толковании художественного текста, учитывающем его системный характер, обусловленный некоей средой, этот вид текста интересен для исследователя-филолога не в последнюю очередь как конгломерат когнитивных и коммуникативно-прагматических *функций* его создателя, направленных на познание своего внешнего и внутреннего мира, самореализацию в качестве «языковой личности» и осуществление контакта с другими. Следствием когнитивной и коммуникативной *активности* этих «других» при восприятии и декодировании смысла и прагматических установок текста могут стать их определенные «посткоммуникативные» шаги – либо деятельностного (например, изменение способа взаимоотношений с другими людьми, осуществление попытки отразить рефлексии на поднятые в художественном тексте темы в собственном поэтическом произведении, участие в дискуссии по поводу прочитанного текста и др.), либо латентного характера, связанные с изменениями в эмоционально-образном восприятии мира читателем, в его отношении к духовным ценностям и т.д. Тексты превращаются тем самым в достояние общества, синтезируя разные формы отражения и самовыражения активных субъектов (авторов), доводимые с помощью языка до других активных субъектов (читателей), которые воспринимают и интерпретируют речемыслительный продукт «другого», как бы возвращая его в последующем в мир в своих собственных мыслях, поступках и настроениях.

С другой стороны, и язык, используемый при создании литературного произведения, иначе говоря, основа его *формы*, «служит необходимым мостом к новому, еще неизвестному содержанию» [3, с. 389], представляя собой в то же время «внешнюю» по отношению к тексту *систему* с собственными структурными законами. Становясь *структурными элементами* текста в целостной системе художественного дискурса, отдельные языковые элементы вступают как в свойственные им, «нормативные» (структурные и семантические), отношения, идущие от языковой системы, к которой они принадлежат, так и в новые связи, которые

обусловлены их подчиненностью художественной текстовой структуре. При этом рождаются новые свойства языковых единиц и явлений, их смысловые модификации и смысловые «приращения». Здесь можно вновь сослаться на М.М. Бахтина, замечавшего, что «каждое слово текста преобразуется в контексте» [3, с. 388], и на Давида Самойлова, поэта, автора многих замечательных поэтических текстов, который «изнутри» процесса творческого переосмысления языка выразил похожую мысль в следующих стихотворных строках:

<...>

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло.

Каждый интерпретатор знает, что существенный для целостной текстовой структуры смысл ее отдельных элементов, выводящий текст в пространство литературно-художественного дискурса, следует искать не только и не столько в линейном соположении языковых элементов относительно друг друга, сколько в «вертикальном срезе» текста, где за счет взаимодействия его разных уровней эти элементы приобретают характер художественных образов. Здесь следует отметить и то, что в тексте (как определенным образом структурированной системе) «нарушается» свойственная системе языка иерархия языковых уровней. Участие элементов низких уровней в развитии текстовой информации, во-первых, зачастую оказывается более весомым, чем смысл единиц высоких уровней, а во-вторых, это функциональное участие практически всегда подчиняется синергетической логике и реализуется по принципу «неиерархизированного накопления». Единичные художественные образы по мере продвижения в тексте вступают в разнонаправленные «диалогические отношения» между собой, между текстом и контекстом произведения (дискурса) и образуют систему релевантных для читателя «прагматических фокусов», постепенно «укрупняясь» и в разном семантическом объеме входя в общий текстовый смысл, представляющий собой «поэтическое явление».

Нельзя не согласиться с польским литературоведом Е. Фарино, который пишет об «удвоении» лингвистических уровней в литературном произведении: «В пределах текста как единицы речи они лингвистичны, в пределах того же текста как литературного произведения они уже нечто другое... и включаются в текст произведения не столько ради их естественной лингвистической функции, сколько ради другой, моделирующей» [12, с. 37]. Две формы существования языка — его «естественная реальность» и «поэтическое состояние» в литературном тексте — создают особый вид прагматического «напряжения» между когнитивно-продуктивной деятельностью автора текста и когнитивно-рецеп-

тивной — его читателя. Это «напряжение» определяет характер происходящей между ними литературной коммуникации и статус текста как когнитивного и коммуникативного события, находящего свое продолжение в интердискурсивном взаимодействии с иными текстами.

Далее, исходя при интерпретации литературного текста из рассмотрения языка в качестве материала, «овеществляющего» поэтический мир автора, лингвист не может не учитывать еще две стороны значения для автора и читателя языковых единиц как элементов структуры текста. Язык является в тексте одновременно (1) *формой* познания и литературного изображения и (2) *предметом* познания и отображения. В качестве элементов *формы* познания и литературного изображения все, без исключения, языковые единицы, образующие текстовую структуру, участвуют в создании ее художественного смысла, то есть выступают в поэтической функции и приобретают в «мире текста» значение эстетических феноменов. А с другой стороны, используя в своем произведении определенные явления языка и речи для выражения художественных смыслов, автор творчески овладевает разнообразными «реальными», или естественными, формами бытия языка в социуме и (сознательно или бессознательно) отражает тем самым степень своего владения этими формами и свое отношение к ним. При этом каждый автор литературного (и не только) произведения обладает собственным идиолектом (представление о котором имеет или не имеет читатель и интерпретатор), лишь частично реализуемом в ситуации конкретного текста. Так, В. В. Виноградов отмечал, что стилистические системы прозаических литературных произведений «непосредственно и остро синтезируют самые разнообразные речевые функции, иногда очень далекие от функции поэтической» [4, с. 185]. А это означает, что для автора любого текста язык является всякий раз и *предметом* литературного отображения.

Изучение речевой структуры текста и составляющих ее элементов помогает тем самым формированию у читателя (интерпретатора) представлений о *структуре личности* автора, являющегося имманентным субъектом речи, речетворческая *функция* которого осуществляется во всех, без исключения, частях текста. В художественной речи «авторская функция» направлена, несомненно, на *актуализацию* языкового высказывания, то есть на максимальное проявление потенциального смысла высказывания, его структурное и семантическое «выдвижение», «приспособление» к условиям поэтического дискурса и закономерностям построения конкретной текстовой структуры, улавливаемым читателем (и интерпретатором) на определенном «автоматизированном» языковом фоне. При помощи последовательности и систематичности *актуализаций* языковых элементов художественного текста и их многообразного сочетания с актами *автоматизации* эти элементы текстовой структуры способны участвовать в направляемом автором процессе художественного познания мира [9, с. 406–431]. А это, в свою очередь, означает, что система актуализаций языкового характера, выявляемых в процессе понимания и интерпретации текста читателем (интерпретатором), соотносима — через «структуру читателя» — со смысловой «структурой автора».

В основе сущности обеих антропоцентрических структур лежат уже отмечавшиеся выше принципы функциональности, динамической подвижности, стохастичности. Функциональностью автора и читателя в логике центростремительных сил создается определенная динамическая система смыслов художественного произведения. При этом актуализированные знаковые носители смыслов (языковые единицы) в тексте *изоморфны* в том плане, что все они являются «маркерами» ментально-речевой деятельности создающего художественное произведение субъекта, направленной на реализацию единой коммуникативно-творческой стратегии. Стратегия эта рождается из сложной совокупности ментально-речевых операций, назначение которых среди прочего — преобразовать «естественные» функции языка в функцию «поэтическую», возникающую в художественном произведении, однако, не в виде чего-то особого, а как неотъемлемая производная функция языковых единиц.

Значительную роль «естественные» и «поэтические» функции языка, преобразуемые автором в нужном ему поэтическом русле, играют и для речевой актуализации в тексте двух главных субъектов фикциональной событийной реальности художественного мира, находящихся на вершине антропоцентрического треугольника, — персонажа и «конструктора» нарратива, одновременно «замещающего» реального автора, — повествователя. Соответствующим типом повествователя создается нарративная (временная, пространственная, субъектная, словесно-речевая) перспектива литературного произведения, а персонажами — его сюжетно-событийный план. Принципиальное отличие повествователя от персонажа состоит в том, что он «творит» (по воле автора) особый вид реальности — «нарративную реальность» и «владеет» знанием обо всех событийных перипетиях, происходящих в ней, а также об их финале, в то время как персонаж, непосредственный участник этих событий, лишен подобного знания [10, с. 327].

Среди остальных черт, релевантных для лингвопоэтической интерпретации нарративной категории повествователя, можно, далее, назвать следующие. Эта нарративная категория связана с категорией «автор» логическим отношением «импликации», или прагматической и смысловой взаимодополнительности, где автор (А) является внутренним антецедентом нарратива, а повествователь (Б) — его реализованным в определенной словесно-речевой конструкции консеквентом (А влечет за собой Б, или Б следует из А). Фигура повествователя, так же, как и фигуры персонажей, принадлежит к вымышленным субъектам нарратива, не существующим в реальности. При анализе образа повествователя интерпретатор вынужден опираться исключительно на текстовую структуру нарратива, в то время как при интерпретации категории «автор», которого повествователь «замещает» в нарративе, возможно включение в анализ информации о «среде» текста (его «дискурсивном контексте»), — например, о биографии писателя, создавшего текст, о его принадлежности к определенному литературному направлению и социально-культурных предпочтениях, о речевом узусе, характерном для времени создания художественного произведения и др.

Другими словами, в познавательной структуре категории «автор» всегда присутствует некий индивидуально-персональный сегмент внешней (по отношению к нарративной реальности) системы, в то время как у повествователя его нет. Характерно для повествователя и то, что эта нарративная категория представляет собой образное (исходящее от автора) воплощение специфической речевой функции. У так называемой «повествовательной речи» нет аналога в «естественных» формах существования языка. Этот вид речи по своему происхождению и функционированию вторичен, так как реализует «символическую деятельность как таковую», если воспользоваться словами Р. Барта (цит. по: [10, с. 327]).

По сути своей вторична и относительна и сама «нарративная реальность», она не является адекватной презентацией объективно наличной реальности, а совмещает в себе художественно преобразованное копирование и субъективно обусловленное моделирование процессов и состояний человеческого сознания и бытия. Известный писатель Дина Рубина замечает по этому поводу: «...литератор относится к жизненным коллизиям, подслушанным диалогам, подсмотренным характеристикам как к строительному материалу, из которого *по собственным законам* создает так называемую *вторую реальность* (курсив наш. — Е. Г.)» [11, с. 172].

Поэтому интерпретация всякой «нарративной реальности», представленной в тексте, невозможна, во-первых, без учета «активной индивидуальности видения и оформления» автора (по М. М. Бахтину) [3], помещающего эту «вторую реальность» в словесно-речевую конструкцию, которая делимитирована верхней (заглавие, начало текста) и нижней (последнее предложение/абзац текста) границами, а также нарративной перспективой с определенным видом «фокализации» (по Ж. Женетту) [7]. Во-вторых, эта интерпретация не может не включать в себя основанных на анализе «прагматических фокусов» текста предположений об ассоциативно направленной познавательной деятельности, которая осуществляется читателем, но в определенной степени заранее программируется автором. И наконец, в-третьих, при выявлении параметров двух выше отмеченных направлений анализа художественного текста интерпретатор-филолог всегда должен учитывать особенности «инструмента» выражения и изображения, то есть языка. «Объективная реальность» языка в нарративе, как уже было показано ранее, также условна, поскольку язык вливается в художественный текст не как целостная система, а фрагментарно, отдельными своими элементами, отбираемыми и «фокусируемыми» автором сообразно его художественной концепции мира и потребностям принадлежащего ему поэтического высказывания.

«Акциональным субъектом» (действия и речи) в поэтическом высказывании, изображающем мир с концептуальной точки зрения автора текста в определенной нарративной перспективе, является персонаж. Функциональность этой смысловой категории литературно-художественного текста обусловлена тем, что персонаж выступает в роли объекта-медиума художественного познания, объединяющего автора и

читателя, личный опыт, знания, эмоции и ценностная ориентация которых могут совпадать или не совпадать. Отдельные персонажи способны объединяться между собой и с иными элементами системы и структуры текста координационными отношениями (персонаж и пространственно-временной континуум текста, персонаж и вещественный мир фикциональной действительности, персонаж и природа и др.), а также субординационными функционально-смысловыми связями (главные и второстепенные действующие лица по их месту и роли в художественных событиях и разрешении событийного конфликта, персонажи-антиподы и др.). Они образуют при этом важнейшую *подсистему* в системе художественного произведения как «метаобраза» мира, созданного творческой энергией определенного автора и открытого множественным интерпретациям и пониманиям читателей.

Вышеприведенные рассуждения, очерчивающие наиболее существенные свойства категории «автор» как объекта лингвистической интерпретации и доказывающие ее сложную онтологическую и функциональную природу по отношению и к внешнему миру, и к «миру» художественного произведения, свидетельствуют о необходимости подхода к ней в логике *синергетики*. Подобный подход требует, с одной стороны, опоры на общее представление о художественном дискурсе и тексте как о сложных системах, существующих по принципам самоорганизации и саморазвития, то есть *синергетических* по своей сути (см. об этом подробнее: [5, с. 6–15; 6, с. 227–236]).

С другой стороны, основой такого подхода может стать представление о *синергизме*, или *синергии*, как о совместном действии каких-либо систем, которое превышает действие этих систем, взятых по отдельности. Система нарративного дискурса возникает в процессе *синергетического* взаимодействия «первичной» (автор — читатель — интерпретатор-критик) и «вторичной» (повествователь — персонаж) антропоцентрических функционально-смысловых систем, в процессе которого так называемый объективный мир (как реальный фон литературной коммуникации) и фикциональный мир литературного произведения обогащают друг друга новыми смыслами, «переливаются» друг в друга.

На это накладывается взаимодействие не менее сложных по своей природе систем текста как некой словесно-речевой конструкции и языка с его собственными законами и нормами существования и развития. Для интерпретатора-лингвиста именно язык и его составляющие как «инструментальная» основа художественной коммуникации являются той компонентой структуры текста, которая обеспечивает *синергизм* всех остальных элементов его формы и содержания и чье действие превышает действие, оказываемое каждым из этих элементов в отдельности на смысловое целое литературного произведения.

Список литературы

1. Андреева В. А. Ist "Text" weniger als "Diskurs"? Überlegungen zur Abgrenzung der zentralbegriffe der Text- und Diskurslinguistik // Text- und Diskurslinguistik: Traditionen und Trends. СПб., 2010. С. 16–27.

2. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413–423.
3. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986. С. 381–393.
4. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
5. *Гончарова Е.А.* Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации литературного текста // Язык. Текст. культура. *Studia Linguistica*, XVI. СПб., 2007. С. 6–15.
6. *Гончарова Е.А.* Интерпретация литературного текста в синергетической парадигме: традиция и перспективы // Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. *Studia Linguistica*, XVII. СПб., 2008. С. 227–236.
7. *Женнет Ж.* Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 2.
8. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2001.
9. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. М., 1967. С. 406–431.
10. *Новейший философский словарь.* Постмодернизм. Минск, 2007.
11. *Рубина Д.* ...их бин нервосо.... М., 2011.
12. *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб., 2004.
13. *Lerchner G.* Sprachform von Dichtung. Linguistische Untersuchungen zu Funktion und Wirkung literarischer Texte. В. ; Weimar, 1984.
14. *Warnke J.* Texte in Texten. Poststrukturalistischer Diskursbegriff und Textlinguistik // Texte – Diskurse – Interaktionsrollen. Tübingen, 2002. S. 1–17.

Об авторе

Евгения Александровна Гончарова – д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена.

E-mail: eagon@rambler.ru

About author

Eugenia Goncharova – doctor of philology, a full professor, State Russian Herzen Pedagogical University.

E-mail: eagon@rambler.ru